

RU

Процедура импичмента Б. Н. Ельцину (1995-1999) как инструмент парламентской стратегии КПРФ

Майоров Г. А., Щербакова И. К.

Аннотация. Цель исследования – реконструировать роль процедуры отрешения президента от должности в парламентской стратегии Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ) в 1995-1999 годах. В статье на основе документов Специальной комиссии Государственной думы из личных фондов В. И. Илюхина и В. И. Зоркальцева (Российский государственный архив социально-политической истории) рассматриваются две инициативы об импичменте Б. Н. Ельцину – преддверия президентской кампании 1996 года и кризисного цикла 1998-1999 годов. Научная новизна работы состоит в том, что импичмент впервые реконструируется не как несостоявшаяся юридическая процедура отрешения, а как многофункциональный инструмент парламентской стратегии конкретного политического актора, изученный изнутри партийного механизма принятия решений. В результате исследования установлено, что в рамках процедуры партия решала четыре задачи, выходящие за пределы номинального отрешения: использовала её как рычаг давления и конституционный щит против роспуска нижней палаты в конфликте о формировании правительства, как средство кодификации обвинительного нарратива через квазиследственную деятельность комиссии, как механизм консолидации оппозиционной коалиции и как способ обозначить пределы допустимой конфронтации. Выявлено, что обращение к процедуре сопровождалось двусторонней калибровкой риска – страховкой как от санкций исполнительной власти, так и от давления собственного радикального фланга. Установлено, что попытка отрешения 1998-1999 годов стала узловым моментом формирования модели системной оппозиции.

EN

The impeachment procedure against Boris Yeltsin (1995-1999) as an instrument of the communist party's parliamentary strategy

G. A. Mayorov, I. K. Shcherbakova

Abstract. The aim of the research is to reconstruct the role of the presidential impeachment procedure in the parliamentary strategy of the Communist Party of the Russian Federation (CPRF) in 1995-1999. Based on the documents of the Special Commission of the State Duma from the personal collections of V. I. Ilyukhin and V. I. Zorkaltsev (Russian State Archive of Socio-Political History), the article examines two initiatives to impeach B. N. Yeltsin on the eve of the 1996 presidential campaign and during the crisis cycle of 1998-1999. The scientific novelty of the work lies in the fact that impeachment is reconstructed for the first time not as a failed legal procedure of removal from office, but as a multifunctional tool of the parliamentary strategy of a specific political actor, studied from within the party's decision-making mechanism. As a result of the study, it was established that within the framework of this procedure, the party addressed four objectives extending beyond nominal removal from office: it used it as leverage and a constitutional shield against the dissolution of the lower house in the conflict over government formation, as a means of codifying an accusatory narrative through the quasi-investigative activities of the commission, as a mechanism for consolidating the opposition coalition, and as a way to outline the limits of permissible confrontation. It was revealed that the appeal to the procedure was accompanied by a two-sided risk calibration: hedging against both sanctions from the executive branch and pressure from the party's own radical flank. It was established that the 1998-1999 impeachment attempt became a pivotal moment in the formation of the systemic opposition model.

Введение

Становление постсоветского парламентаризма в России проходило в условиях, когда основные институты представительной власти формировались одновременно с механизмами их взаимодействия с президентской ветвью, причём само это взаимодействие на протяжении 1990-х годов сохраняло выражено конфликтный

характер (Шевцова, 1999). Конституция 1993 года, принятая по итогам силового разрешения противостояния законодательной и исполнительной властей, закрепила конструкцию, которую значительная часть исследователей определяет как суперпрезидентскую, то есть содержащую существенный перевес полномочий в пользу главы государства (Шейнис, 2014; Борисов, 2019). В этой конструкции институт парламентской оппозиции складывался не как нормативно гарантированный субъект, а как практика, вырабатывавшаяся в ходе постоянного политического торга (Игрицкий, 2012). Ключевым и наиболее долговременным носителем оппозиционной функции в этот период стала Коммунистическая партия Российской Федерации, занимавшая в Государственной думе первого и второго созывов положение крупнейшей фракции и располагавшая разветвлённой низовой инфраструктурой (Майоров, 2024).

Среди средств, которыми располагала парламентская оппозиция, особое место принадлежит процедуре отрешения президента от должности. В президентских и смешанных республиках, где отсутствует институт вотума недоверия главе государства, отрешение остаётся единственным конституционным каналом досрочного прекращения его полномочий, и именно эта безальтернативность придаёт процедуре стратегическую значимость, несопоставимую с вероятностью её успешного завершения (Краснов, 2022; Борисов, 2019). Применительно к российскому случаю это означало, что инициатива об импичменте, заведомо не имевшая шансов на доведение до конца в условиях сложной многоступенчатой процедуры, могла использоваться оппозицией не столько ради своего номинального результата, сколько ради сопутствующих политических эффектов. Реконструкция этих эффектов и составляет предмет настоящей работы.

Тема президентской ответственности и процедуры отрешения разработана в литературе преимущественно в нескольких самостоятельных направлениях. Юридическое направление сосредоточено на конституционно-правовом содержании института: его процедурных особенностях, основаниях и несовершенстве нормы об отрешении (Карасёв, Мамаева, 2014; Пензин, 2013; Краснов, 2022), на генезисе соответствующих положений в ходе Конституционного совещания 1993 года (Марино, 2010), а также на сравнительной оценке санкционирующего парламентского контроля, который в президентских республиках на практике почти не реализуется (Коврякова, 2014). Иное направление рассматривает импичмент 1998-1999 годов как эпизод конфликта вокруг формирования правительства, в котором запуск процедуры стал одной из наиболее результативных стратегий давления нижней палаты на президента (Берлов, 2023). Третье направление помещает импичмент в общий контекст оппозиционной деятельности КПРФ и государственного противодействия ей (Майоров, 2024; Майоров, 2025; Волгин, 2022а). Сравнительно-политологический ракурс представлен анализом случаев досрочного прекращения полномочий президентов на постсоветском пространстве (Борисов, 2019), а оценка обвинения, связанного с распадом СССР, рассмотрена в работах о легитимности дезинтеграции Союза и о месте этого сюжета в исторической политике партий (Лактионова, 2022; Кашенко, 2025).

Актуальность темы определяется тем, что импичмент 1998-1999 годов остаётся единственным случаем, когда предусмотренная статьёй 93 Конституции процедура была доведена до голосования в Государственной думе, и потому служит основным эмпирическим материалом продолжающейся дискуссии о работоспособности механизмов ответственности главы государства в конституционной конструкции 1993 года. Значимость обращения к теме усиливается тем, что оформившаяся по итогам этих событий модель системной оппозиции до настоящего времени определяет положение КПРФ и характер отношений парламентской оппозиции с исполнительной властью, вследствие чего объяснение современного состояния российской партийной системы требует реконструкции момента её формирования.

При очевидной разработанности отдельных аспектов в историографии до сих пор нет исследования, в котором импичмент был бы реконструирован изнутри партийного механизма принятия решений как инструмент парламентской стратегии конкретного актора – КПРФ. Существующие работы опираются преимущественно на стенограммы заседаний и материалы периодической печати; внутрипартийная логика, в рамках которой инициатива об отрешении выдвигалась, корректировалась и страховалась, остаётся за пределами анализа. Именно эта лакуна определяет научную проблему исследования: каким образом заведомо нереализуемая процедура встраивалась в стратегию оппозиционной партии и какие задачи она при этом решала.

Достижение цели исследования предполагает решение следующих задач:

- 1) определить место института отрешения в конституционной конструкции 1993 года и обосновать его стратегический потенциал для парламентской оппозиции;
- 2) реконструировать на архивной основе ход инициатив об отрешении 1995-1999 годов и деятельность Специальной комиссии Государственной думы;
- 3) выявить функции, которые процедура выполняла в стратегии КПРФ помимо номинального отрешения главы государства;
- 4) раскрыть механизм калибровки политического риска, сопровождавший инициативу;
- 5) оценить значение исхода процедуры для формирования модели системной оппозиции.

Методологическую основу составляют историко-генетический, проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы, дополненные формально-юридическим анализом процедурных норм. Историко-генетический метод позволил проследить происхождение обращения КПРФ к процедуре отрешения от противостояния законодательной и исполнительной властей начала 1990-х годов и выявить преемственность между инициативами 1996 и 1998-1999 годов. Проблемно-хронологический метод использован для разграничения двух инициатив об отрешении и последовательной реконструкции этапов работы Специальной комиссии Государственной думы. Сравнительно-исторический метод применён для сопоставления российского случая с практикой отрешения глав государств в других президентских республиках, что позволило

оценить структурную предопределённость исхода процедуры. Формально-юридический анализ норм статей 93, 109 и 111 Конституции Российской Федерации и статьи 275 Уголовного кодекса дал возможность установить процедурную нереализуемость института отрешения и раскрыть механизм его использования в качестве конституционного щита против роспуска нижней палаты.

Теоретической базой служат представления о так называемых ловушках президентализма, согласно которым в системах с сильной президентской властью отрешение оказывается единственным, но крайне затруднённым механизмом смещения главы государства (Борисов, 2019), а также концепция системной оппозиции – политической силы, действующей в пределах, заданных доминирующей конфигурацией власти (Майоров, 2024; Волгин, 2022b).

Источниковую базу образуют документы из фондов В. И. Илюхина и В. И. Зоркальцева Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), нормативные правовые акты, стенограммы Государственной думы и партийная периодическая печать.

Практическая значимость работы связана с возможностью использования её результатов – реконструкции механизма принятия решения об импичменте внутри КПРФ, выявленных функций процедуры отрешения и модели калибровки политического риска – в обобщающих трудах по истории российского парламентаризма и постсоветской многопартийности, а также в учебных курсах по новейшей отечественной истории и истории политических партий России.

Обсуждение и результаты

Анализ стратегического использования импичмента требует предварительного уяснения той процедурной конструкции, в которую этот институт был заключён. Согласно статье 93 Конституции, отрешение президента от должности возможно лишь на основании обвинения в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления, и реализуется оно через последовательность стадий с участием четырёх высших государственных органов (Конституция РФ, 1993). В обобщённом виде эта последовательность включает:

- 1) выдвижение обвинения по инициативе не менее одной трети депутатов Государственной думы и создание специальной комиссии;
- 2) принятие Думой решения о выдвижении обвинения большинством в две трети голосов от общего числа депутатов, то есть не менее чем тремястами голосами;
- 3) заключение Верховного суда о наличии в действиях президента признаков преступления;
- 4) заключение Конституционного суда о соблюдении порядка выдвижения обвинения;
- 5) решение Совета Федерации об отрешении, принимаемое двумя третями голосов в трёхмесячный срок.

Каждая из перечисленных стадий способна остановить процедуру, а трёхмесячное ограничение для решения Совета Федерации делает её ещё более уязвимой (Карасёв, Мамаева, 2014; Пензин, 2013). К этому добавляется неопределённость самой нормы: понятие государственной измены, сформулированное в статье 275 Уголовного кодекса, охватывает деяния в сфере внешней безопасности и плохо применимо к оценке внутриполитического курса главы государства (Карасёв, Мамаева, 2014; УК РФ, 1996). Реконструкция позиций участников Конституционного совещания 1993 года показывает, что усложнённая процедура закладывалась сознательно как гарантия устойчивости президентской власти в условиях недавнего конституционного кризиса (Марино, 2010). Совокупность этих обстоятельств даёт основание квалифицировать российскую модель отрешения как процедуру, рассчитанную на практическую нереализуемость.

Именно из этого свойства и следует исходить при оценке стратегической роли института. В сравнительной перспективе отрешение в президентских республиках почти не доводится до завершения, а правящее большинство, как правило, блокирует его на ранних стадиях (Коврякова, 2014). Президентская власть к тому же тяготеет к приобретению квазимонархических черт неприкосновенности, что дополнительно затрудняет привлечение главы государства к ответственности (Краснов, 2022). В системе, где вотум недоверия президенту отсутствует, а импичмент чрезвычайно усложнён, у оппозиции остаётся узкий конституционный коридор воздействия на главу государства (Борисов, 2019). Отсюда вытекает ключевое для дальнейшего изложения соображение: разрыв между номинальной функцией процедуры – отрешением – и её фактической нереализуемостью не лишает инициативу смысла, а напротив, открывает пространство для её использования в иных, не предусмотренных нормой целях. Содержание этого использования и подлечит реконструкции.

Обращение КПРФ к идее отрешения главы государства опиралось на более раннюю традицию, восходящую к противостоянию законодательной и исполнительной властей начала десятилетия. Ещё в марте 1993 года Съезд народных депутатов предпринял попытку отрешить Б. Н. Ельцина от должности, не набрав необходимого большинства: за импичмент проголосовали 618 депутатов при требовавшихся 699 (Карасёв, Мамаева, 2014). Опыт этого противостояния, развязкой которого стали президентский указ № 1400 о прекращении деятельности Съезда народных депутатов и Верховного Совета и последовавший силовой роспуск парламента осенью 1993 года (О поэтапной конституционной реформе..., 1993), сформировал у коммунистов устойчивое представление об отрешении как о крайней, но легитимной форме парламентского сопротивления, и одновременно – о его процедурной труднодостижимости.

В рамках Государственной думы первого и второго созывов парламентская стратегия партии строилась на использовании правовых механизмов для продвижения повестки, расходившейся с курсом исполнительной власти. К этому ряду относятся вотум недоверия правительству В. С. Черномырдина в июне 1995 года, заявленный на фоне трагедии в Будённовске, и постановления от 15 марта 1996 года, поставившие под сомнение юридическую силу денонсации Союзного договора и подтвердившие итоги референдума СССР 1991 года

(О юридической силе..., 1996; Лактионова, 2022). В этом же ряду находится первая инициатива об отрешении, относящаяся к преддверию президентской кампании 1996 года: фракция КПрФ собрала в её поддержку свыше ста пятидесяти подписей, однако до порога, необходимого для создания специальной комиссии, дело не дошло. Значение этой инициативы определялось не процедурным результатом, а публичным эффектом – вынесение в повестку вопроса об основаниях для отрешения формировало проблемное поле, работавшее на коммунистического кандидата в развернувшейся президентской гонке.

Реакция исполнительной власти на эти шаги обнажила пределы допустимого. Постановление о денонсации Беловежских соглашений вызвало в президентском окружении подготовку указов о роспуске Думы, запрете КПрФ и переносе президентских выборов, от которых Б. Н. Ельцин в итоге отказался, не получив консолидированной поддержки своего окружения (Волгин, 2022а; Батулин, Ильин, Кадацкий и др., 2001). Этот эпизод важен для понимания дальнейшей стратегии партии: коммунисты убедились в том, что использование конституционно-правовых инструментов способно вызывать жёсткую ответную реакцию и что повышение ставок требует одновременного расчёта рисков. Уже на этом этапе обозначилась характерная двойственность – готовность переводить политические претензии в правовую плоскость при сохранении осторожности в отношении возможных санкций.

Вторая инициатива об отрешении, развернувшаяся в 1998-1999 годах, имела иную природу и иную траекторию. Решение о начале процедуры было принято на заседании фракции КПрФ 19 мая 1998 года и подтверждено постановлением президиума, а на следующий день депутаты собрали сто семьдесят семь подписей (Карасёв, Мамаева, 2014). Принципиально важно то обстоятельство, что лидер фракции Г. А. Зюганов первоначально не поддерживал идею импичмента и даже воспрепятствовал сбору подписей, изменив позицию лишь весной 1998 года, когда обострились угрозы роспуска нижней палаты (Берлов, 2023). Эта перемена позиции образует аналитический ключ ко всему сюжету. Отказ от инициативы в один период и обращение к ней в другой указывают на то, что процедура воспринималась руководством партии прежде всего инструментально: к ней прибегали тогда, когда её стратегическая отдача становилась очевидной, а не из убеждённости в достижимости отрешения.

Контекст, в котором инициатива получила ход, определялся конфликтом вокруг утверждения главы правительства. Согласно статье 111 Конституции, после троекратного отклонения Думой представленной кандидатуры президент был обязан распустить нижнюю палату и назначить досрочные выборы, что превращало процедуру утверждения премьера в инструмент давления исполнительной власти на законодательную (Берлов, 2023; Конституция..., 1993). Угроза роспуска лишала депутатов возможности влиять на состав правительства, и поиск средств нейтрализации этой угрозы стал для оппозиции первоочередной задачей. Решение было найдено в сопряжении двух конституционных норм: статья 109 прямо запрещала роспуск Государственной думы с момента выдвижения ею обвинения против президента. Запуск процедуры отрешения тем самым приобретал значение защитного механизма – щита, блокировавшего право президента распустить палату. На заседании Совета Думы А. И. Лукьянов и Е. Б. Мизулина заверяли депутатов в том, что процедуру можно ускорить и успеть проголосовать хотя бы по первому пункту обвинения до подписания указа о роспуске (Берлов, 2023).

Здесь необходимо обозначить границу между предметом настоящей работы и тем, как этот сюжет рассматривается в литературе. Исследование А. А. Берлова (2023) посвящено эволюции процедуры утверждения главы правительства и рассматривает импичмент со стороны баланса ветвей власти, фиксируя его как одну из стратегий нижней палаты в целом. Оптика настоящей работы смещена: импичмент рассматривается как элемент стратегии конкретного актора – КПрФ, – и реконструируется не по стенограммам межфракционных совещаний, а по внутривнутрипартийным документам. В этой перспективе существенно не только то, что щит сработал, но и то, как партия осмысляла достигнутый результат. В фонде В. И. Зоркальцева сохранились его записка об итогах парламентско-правительственного кризиса и перечень протокольных поручений Президиума ЦК, в том числе о телеграмме руководителям исполнительной и законодательной власти регионов с предложением рассмотреть вопрос об отставке президента, датированной 31 августа 1998 года (РГАСПИ, ф. 813, оп. 1, д. 190). Эти материалы дают основание утверждать, что кризис прочитывался партийным руководством как момент собственного стратегического выигрыша: исход противостояния, завершившийся утверждением правительства Е. М. Примакова, в котором КПрФ видела близкую себе фигуру, был воспринят как подтверждение действенности избранной тактики (Валов, 2021). Импичмент в этой ситуации использовался не для отрешения, а для перераспределения переговорного веса в пользу парламентского большинства, и в этом состоит первая из его стратегических функций.

Институциональным ядром процедуры стала Специальная комиссия Государственной думы по оценке соблюдения процедурных правил и фактической обоснованности обвинения, созданная 19 июня 1998 года под председательством В. Д. Филимонова при заместителе Е. Б. Мизулиной. Делопроизводство комиссии, отложившееся в фонде В. И. Илюхина, охватывает протоколы, стенограммы и листы присутствия заседаний, переписку председателя с членами правительства и должностными лицами, а также обширный массив приобщённых материалов (РГАСПИ, ф. 812, оп. 1, д. 1). Состав обвинения был сведён к пяти пунктам:

- 1) подготовка, заключение и реализация Беловежских соглашений, повлёкшие, по оценке комиссии, разрушение СССР;
- 2) государственный переворот сентября – октября 1993 года и применение вооружённой силы против Верховного Совета;
- 3) развязывание военных действий на территории Чеченской Республики;
- 4) ослабление обороноспособности и развал Вооружённых сил;
- 5) действия, приведшие к геноциду российского народа.

Состав обвинения заслуживает специального внимания, поскольку выбор именно этих пяти пунктов не был ни случайным, ни юридически вынужденным. Каждый из них представлял собой проекцию одной из несущих конструкций идеологической программы партии на язык уголовного обвинения. Пункт о Беловежских соглашениях и пункт о геноциде в совокупности кодировали базовое для КПРФ противопоставление советского прошлого и постсоветской реальности: разрушение союзного государства и социально-демографические последствия реформ выступали как два аспекта единого тезиса об уничтожении советского строя. Пункты о событиях 1993 года и о войне в Чечне переводили в правовую плоскость обвинение в нелегитимном и насильственном характере режима, а пункт о развале армии связывал воедино державную и социальную составляющие партийной идентичности. Иными словами, обвинительная конструкция воспроизводила идеологический профиль партии, а не следовала логике уголовно-правовой квалификации; этим и объясняется, почему чисто экономические претензии, при всей их остроте, не были выделены в самостоятельный пункт.

Реконструкция работы комиссии даёт основание утверждать, что она функционировала не столько как стадия на пути к юридическому отрешению, сколько как квазиследственный и легитимирующий орган, переводивший политическую критику режима в форму документально обоснованного обвинения. Комиссия наделялась правом истребовать документы и объяснения от государственных органов и этим правом пользовалась систематически (Карасёв, Мамаева, 2014). В её материалы вошли стенограммы пленарных заседаний Конституционного суда июля 1995 года о проверке конституционности «чеченских» указов, образовавшие доказательную основу третьего пункта (РГАСПИ, ф. 812, оп. 1, д. 7, д. 8), информационная записка заместителя Генерального прокурора об уголовном деле о событиях 3–4 октября 1993 года (РГАСПИ, ф. 812, оп. 1, д. 9), а также доклады Госкомстата, материалы Счётной палаты об исполнении бюджета и экспертные заключения о ходе приватизации, подводившие фактологический фундамент под пятый пункт. По существу, в рамках процедуры формировалась готовая аналитическая платформа оппозиционной критики, охватывавшая весь курс исполнительной власти – от распада Союза до социально-демографических последствий реформ. Заключение комиссии по первому пункту квалифицировало действия президента как измену Родине, выразившуюся в подготовке заговора с целью неконституционного захвата союзной власти, со ссылкой на статью 64 Уголовного кодекса РСФСР (Заключение Специальной комиссии..., 1999). Обвинительную позицию на думской стадии процедуры формулировал председатель Комитета по безопасности В. И. Илюхин, выступавший в качестве главного обвинителя, текст речи которого был опубликован отдельным изданием (Илюхин, 1999). Вторая стратегическая функция процедуры состояла, таким образом, в публичной кодификации обвинительного нарратива: благодаря деятельности комиссии разрозненные претензии оппозиции приобретали связную и внешне юридическую форму.

Завершающие документы процедуры – образцы бюллетеней, проекты решений и особые мнения членов комиссии Е. Б. Мизулиной и С. А. Попова – отложились в итоговом томе делопроизводства (РГАСПИ, ф. 812, оп. 1, д. 20). Голосование состоялось в Государственной думе 13–15 мая 1999 года, причём незадолго до него, 21 апреля, депутаты внесли в Регламент поправки, установившие открытое голосование именными бюллетенями, что должно было обеспечить внутрифракционную дисциплину (Карасёв, Мамаева, 2014; Стенограмма пленарных заседаний..., 1999). Ни по одному из пунктов не было набрано необходимых трёхсот голосов. Распределение голосов составило: за обвинение в распаде СССР – 239, в событиях 1993 года – 263, в развязывании войны в Чечне – 283, в развале армии – 241, в геноциде российского народа – 238 (Карасёв, Мамаева, 2014).

Интерпретация этих цифр требует учёта арифметической структуры оппозиционного большинства. Численность собственно фракции КПРФ во II Думе составляла порядка ста сорока шести депутатов (Волгин, 2022а); даже при полной мобилизации союзных депутатских объединений конституционное большинство в триста голосов оставалось для оппозиции труднодостижимым. Это означает, что исход голосования был во многом структурно предопределён, а не упущен вследствие нерешительности отдельных депутатов, как нередко представляется в публицистике. Распределение голосов по пунктам подтверждает идеологическую обусловленность обвинения. Наибольшую поддержку – 283 голоса – получил пункт о войне в Чечне, и это объясняется двумя обстоятельствами: его доказательной обеспеченностью материалами Конституционного суда и его относительной идеологической нейтральностью, позволявшей голосовать за него и депутатам, не разделявшим коммунистическую рамку. Напротив, пункты о распаде СССР и о геноциде, прямо опиравшиеся на партийную идеологию, собрали наименьшее число голосов, поскольку требовали принятия именно коммунистической интерпретации событий.

Показательно, что отдельные обвинения поддерживались и за пределами коммунистической фракции. По пункту о войне в Чечне с обвинительной речью выступила Т. В. Злотникова, представлявшая фракцию «Яблоко» и указывавшая на массовые случаи похищения людей и фактическое возрождение работорговли. По пункту о развале армии А. Г. Арбатов, также входивший в «Яблоко», говорил о трёхкратном сокращении военного бюджета в 1998–1999 годах и о сосредоточении в руках президента исключительных полномочий в сфере управления силовыми структурами, оговариваясь, однако, что глава государства должен нести в этом случае моральную, а не юридическую ответственность (Карасёв, Мамаева, 2014). Эта оговорка представителя непартийной для КПРФ фракции точно фиксирует причину, по которой обвинение не конвертировалось в конституционное большинство: даже разделяя фактическую обоснованность претензий, часть депутатов отказывалась признавать за ними юридическую силу, достаточную для отрешения. Расхождение между политической убедительностью обвинения и его правовой квалификацией и предопределило исход процедуры.

Помимо давления на исполнительную власть и кодификации обвинения, процедура использовалась партией как механизм консолидации оппозиционной коалиции. Подготовка инициативы прослеживается

во внутривнутрипартийных решениях: постановление V (внеочередного) съезда КПРФ в мае 1998 года прямо обосновывало постановку вопроса об отрешении в соответствии со статьёй 93, а сопровождавшие его справки Орготдела ЦК фиксировали поддержку процедуры законодательными собраниями регионов, органами местного самоуправления и трудовыми коллективами (РГАСПИ, ф. 813, оп. 1, д. 186). Тот же мобилизационный смысл имел отдельный том комиссии, собравший копии постановлений региональных парламентов, резолюций митингов, телеграмм и подписных листов граждан в поддержку отрешения; приобщение этих документов к делу было оформлено протокольным решением комиссии от 1 февраля 1999 года (РГАСПИ, ф. 812, оп. 1, д. 19). Параллельно разворачивался уличный трек давления – Всероссийская акция протеста 7 октября 1998 года, координировавшаяся партийным руководством. В совокупности эти материалы дают основание говорить о третьей функции процедуры: импичмент служил организационной осью, вокруг которой выстраивался «легальный штаб оппозиции», объединявший парламентскую фракцию, региональные структуры, Народно-патриотический союз России и протестное движение.

Вместе с тем обращение к процедуре сопрягалось с заметной осторожностью, и реконструкция этой осторожности составляет наиболее содержательный результат настоящей работы. Калибровка риска носила двусторонний характер: партия страховала себя одновременно от санкций исполнительной власти и от давления собственного радикального фланга. Внешняя сторона этой калибровки проявилась в способе, которым Г. А. Зюганов формулировал угрозы массовых действий в случае отставки правительства Е. М. Примакова: он апеллировал к Народно-патриотическому союзу России – широкой коалиции, не имевшей в 1990-е годы государственной регистрации и потому юридически трудноуязвимой, – а не к КПРФ как зарегистрированной организации, которой подобные заявления грозили санкциями (Волгин, 2022а). Внутренняя сторона прослеживается в материалах самого же V съезда и VIII пленума ЦК: записка Орготдела о Л. Н. Петровском фиксирует критику «поспешных решений» и линии руководства со стороны части партийного актива, а резолюция о единстве партии и партийной дисциплине, принятые на пленуме в июне 1998 года, свидетельствуют о стремлении руководства удержать инициативу под контролем и не допустить её перерастания в неуправляемую радикализацию (РГАСПИ, ф. 813, оп. 1, д. 186). Осторожность партийного руководства, таким образом, была обращена не только вовне, но и внутрь.

Двусторонняя калибровка становится особенно очевидной на фоне встречного давления государства. На протяжении 1998–1999 годов Министерство юстиции неоднократно инициировало проверки КПРФ на предмет наличия производственных партийных ячеек, и часть этих проверок была синхронизирована с подготовкой импичмента; в заявлении Президиума ЦК прямо указывалось, что очередная ревизия преследует цель затормозить готовящуюся процедуру отрешения (Волгин, 2022а). Президентское окружение рассматривало правительственный кризис и возможную отставку Е. М. Примакова как момент, в который коммунисты неминуемо окажутся втянуты в конфронтацию, что могло послужить поводом для жёстких мер вплоть до постановки вопроса о запрете партии. Характерно, что итоговый отчёт о проверке КПРФ, подписанный министром юстиции П. В. Крашенинниковым 15 апреля 1999 года, констатировал соответствие деятельности партии действующему законодательству, и за эту сдержанность министр позднее подвергся публичному выговору со стороны президента (Волгин, 2022а). В этих обстоятельствах осмотрительность партийного руководства предстаёт не как нерешительность, а как рациональный расчёт: инициатива об отрешении велась так, чтобы извлечь из неё максимальный политический эффект, не подставляя организацию под удар. Феномен «военной оппозиции», связанный с фигурой генерала Л. Я. Рохлина и Движением в поддержку армии, обозначал ту границу, переход которой угрожал партии утратой системного статуса (Волгин, 2023), и эту границу КПРФ сознательно не переступала.

Совокупность рассмотренных обстоятельств позволяет свести стратегическое содержание импичмента к нескольким функциям, которые партия реализовывала в его рамках помимо номинального отрешения главы государства:

- 1) рычаг давления в конфликтах вокруг формирования правительства, действовавший как конституционный щит против роспуска Думы;
- 2) публичная кодификация обвинительного нарратива через квазиследственную деятельность комиссии;
- 3) организационная консолидация оппозиционной коалиции и мобилизация региональной и протестной поддержки;
- 4) демонстрация пределов допустимой конфронтации при сохранении системного статуса партии.

Неудачу голосования мая 1999 года, при которой ни один пункт не собрал конституционного большинства, следует оценивать в свете этих функций, а не только по отношению к нереализованной цели отрешения. Причины недобора голосов коренились как в несовершенстве самой процедуры, так и в неоднородности оппозиционного большинства, часть которого уклонилась от поддержки обвинения (Карасёв, Мамаева, 2014). Однако решающее значение для исторической оценки имеет то обстоятельство, что досрочное прекращение полномочий Б. Н. Ельцина произошло позднее и совершенно иным путём – через добровольную отставку 31 декабря 1999 года с предоставлением гарантий неприкосновенности, то есть по сценарию передачи власти преемнику, а не через механизм отрешения (Борисов, 2019; Ельцин, 2000; О гарантиях президенту..., 1999). Импичмент, следовательно, не оказал прямого воздействия на уход президента, и его результативность измеряется в иной плоскости – в плоскости тех политических эффектов, которые сопровождали процедуру на всём её протяжении.

В более широкой перспективе попытка отрешения 1998–1999 годов предстаёт как узловое звено в формировании модели системной оппозиции. Доведя конституционное противостояние до предела и одновременно

удержавшись от выхода за его пределы, КПРФ продемонстрировала ту конфигурацию поведения, которая закрепились за ней в последующее десятилетие: готовность к жёсткой риторической конфронтации при практической лояльности правилам, заданным доминирующей властью (Волгин, 2022b). После провала импичмента партия фактически приняла сложившуюся политическую систему, сохранив за собой оппозиционный статус, и эта траектория – от радикализма середины 1990-х к конформизму 2000-х – была во многом предопределена опытом 1999 года (Майоров, 2025). Импичмент в этом смысле стал не только последним решительным эпизодом борьбы коммунистов за смену власти, но и точкой, в которой оппозиционность партии обрела свои устойчивые институциональные очертания.

Заклучение

Проведённая реконструкция позволяет сформулировать ряд выводов, соотносящихся с поставленными задачами. Институт отрешения в конституционной конструкции 1993 года, будучи рассчитан на практическую нереализуемость, обладал тем не менее значительным стратегическим потенциалом для парламентской оппозиции, поскольку оставался единственным конституционным каналом воздействия на главу государства. Разграничение двух инициатив – преддверия президентской кампании 1996 года и кризисного цикла 1998–1999 годов – и реконструкция деятельности Специальной комиссии на основе фондов В. И. Илюхина и В. И. Зоркальцева дали возможность установить, что процедура встраивалась в стратегию КПРФ инструментально, что подтверждается переменной позиции партийного руководства, первоначально воздерживавшегося от инициативы. В рамках процедуры партия решала четыре задачи, выходящие за пределы номинального отрешения: использовала её как рычаг давления и конституционный щит в борьбе за правительство, как средство кодификации обвинительного нарратива, как механизм коалиционной мобилизации и как способ обозначить пределы допустимой конфронтации. Сопровождавшая инициативу двусторонняя калибровка риска – прикрытие радикальных заявлений юридически неуязвимым Народно-патриотическим союзом и удержание собственного актива от неуправляемой радикализации – раскрывает рациональную логику, стоявшую за внешней сдержанностью партийного руководства.

В историческом измерении попытка отрешения завершилась двойственным итогом. С одной стороны, ни один из пяти пунктов обвинения не получил необходимой поддержки, а уход Б. Н. Ельцина состоялся позднее и по сценарию, не связанному с импичментом, что подтверждает оценку процедуры как заведомо нереализуемой в части её прямого результата. С другой стороны, именно в ходе этой процедуры оформилась модель системной оппозиции, определившая последующее поведение КПРФ: готовность довести конфронтацию до конституционного предела при сохранении лояльности установленным правилам. Поэтому импичмент 1998–1999 годов следует рассматривать не как изолированный эпизод неудавшегося отрешения, а как инструмент парламентской стратегии, в применении которого партия одновременно достигла ряда тактических целей и обозначила границы собственной оппозиционности.

Перспективы дальнейшего изучения темы связаны с сопоставлением российского опыта с инициативами об отрешении глав государств в других постсоветских республиках, что позволит уточнить место рассмотренного случая в общей типологии парламентских стратегий оппозиции.

Материалы исследования | Research materials

1. Батурин Ю. М., Ильин А. Л., Кадацкий В. Ф., Костиков В. В., Краснов М. А., Лившиц А. Я., Никифоров К. В., Пихоя Л. Г., Сатаров Г. А., Сатаров Г. А. Эпоха Ельцина: очерки политической истории: монография. М.: Вагриус, 2001.
2. Ельцин Б. Н. Президентский марафон: размышления, воспоминания, впечатления. М.: АСТ, 2000.
3. Заключение Специальной комиссии Государственной думы об оценке фактической обоснованности обвинения, выдвинутого против Президента Российской Федерации, в связи с подготовкой, заключением и реализацией Беловежских соглашений. 1999. <http://transcript.duma.gov.ru/node/2372/>
4. Илюхин В. И. Обвиняется Ельцин: речь главного обвинителя – председателя Комитета по безопасности Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации. М.: ФТМ России, 1999.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.). Первоначальная редакция. 1993.
6. О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи: Указ № 1763 Президента Российской Федерации от 31.12.1999.
7. О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации: Указ № 1400 Президента Российской Федерации от 21.09.1993.
8. О юридической силе для Российской Федерации результатов референдума СССР 17 марта 1991 года по вопросу о сохранении Союза ССР: Постановление Государственной думы ФС РФ от 15.03.1996 № 157-II ГД.
9. РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 812 (Коллекция документов из личного архива В. И. Илюхина). Оп. 1. Д. 1, 7, 8, 9, 19, 20.
10. РГАСПИ – Ф. 813 (Коллекция документов из личного архива В. И. Зоркальцева). Оп. 1. Д. 186, 190.
11. Стенограммы пленарных заседаний Государственной думы ФС РФ 13–15 мая 1999 г. <http://transcript.duma.gov.ru/node/2363/>; <http://transcript.duma.gov.ru/node/2369/>
12. УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Источники | References

1. Берлов А. А. Развитие процедуры утверждения главы правительства России в 1990-е годы // Полития. 2023. № 4 (111). <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2023-111-4-163-177>
2. Борисов Н. А. Досрочное прекращение полномочий президента на постсоветском пространстве: конституционные правила и политическая реальность // Политическая наука. 2019. № 4. <https://doi.org/10.31249/poln/2019.04.02>
3. Валов Т. В. Влияние экономического кризиса 1998 года на динамику рыночных реформ и приватизационный процесс в России (на примере Санкт-Петербурга) // Научный диалог. 2021. № 3. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-3-347-362>
4. Волгин Е. И. Проблема департизации как фактор политического давления на КПрФ в 1990-е гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022а. № 4. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2022-4-91-103>
5. Волгин Е. И. Проблема принятия закона «Об оппозиции» в РФ во второй половине 1990-х гг. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2022b. № 1.
6. Волгин Е. И. Генерал Л. Рохлин и феномен «военной оппозиции» 1990-х гг. // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 1. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2023-1-1234>
7. Игрицкий Ю. И. Многопартийная беспартийная Россия // Россия и современный мир. 2012. № 2.
8. Карасёв А. Т., Мамаева Я. Ю. Особенности реализации процедуры отрешения Президента РФ от занимаемой должности // Вопросы управления. 2014. № 2 (8).
9. Кашенко А. С. Распад СССР в исторической политике ключевых партий России // Огарёв-Online. 2025. Т. 13. № 2. <https://doi.org/10.15507/2311-2468.013.202502.173-182>
10. Коврякова Е. В. Санкционирующий парламентский контроль в системе разделения властей // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 3 (31).
11. Краснов М. А. Не-ответственность монарха и ответственность президента // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 4 (51). <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2022/4/10-44>
12. Лактионова Н. Я. Дезинтеграция СССР: проблема легитимности // Обозреватель – Observer. 2022. № 1 (384). https://doi.org/10.48137/2074-2975_2022_01_101
13. Майоров Г. А. Формирование оппозиционной идентичности КПрФ в постсоветский период 1990-х годов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 29. № 6. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-6-1788-1798>
14. Майоров Г. А. От радикализма к конформизму: траектория идейной трансформации КПрФ в постсоветский период (сравнительный анализ политического контекста 1990-2020-х гг.) // СибСкрипт. 2025. Т. 27. № 3 (39). <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-3-433-448>
15. Марино И. Отрешение Президента Российской Федерации от должности: разработки, концепции, позиции участников Конституционного совещания 1993 г. // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. Вып. 2 (8).
16. Пензин К. Е. Конституционные основы прекращения полномочий Президента Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2013. № 3.
17. Шевцова Л. Ф. Режим Бориса Ельцина. М.: Московский центр Карнеги; РОССПЭН, 1999.
18. Шейнис В. Л. Власть и закон: Политика и конституции в России в XX-XXI веках. М.: Мысль, 2014.

Информация об авторах | Author information

Майоров Георгий Александрович¹, к. экон. н.
Щербакова Ирина Константиновна², к. ист. н., доц.
^{1,2} Государственный университет управления

Georgy Aleksandrovich Mayorov¹, PhD
Irina Konstantinovna Shcherbakova², PhD
^{1,2} State University of Management

¹ maiorov.7575@mail.ru, ² ik_scherbakova@guu.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 01.07.2026; опубликовано online (published online): 28.07.2026.

Ключевые слова (keywords): Коммунистическая партия Российской Федерации; импичмент; парламентская оппозиция; Государственная дума; Б. Н. Ельцин; Communist Party of the Russian Federation; impeachment; parliamentary opposition; State Duma; B. N. Yeltsin.